

К вопросу о новых формах урбанизации в контексте задач управления пространственным развитием в Республике Карелия

Статья первая

Катанандов С. Л.¹, Солодилов В. В.², Шамахов В. А.¹

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В современных условиях классические подходы к урбанизации требуют дополнения. Возникла концепция сельских агломераций, базирующихся на развитии межтерриториального сотрудничества местных самоуправлений. Поставлен вопрос о новых критериях формирования агломераций. Предложена концепция фактических городских населенных пунктов, предполагающая учет современных характеристик экостических процессов.

Ключевые слова: агломерация, урбанизация, Карелия, агломерации городские и сельские, сельский населенный пункт

Для цитирования: Катанандов С. Л., Солодилов В. В., Шамахов В. А. К вопросу о новых формах урбанизации в контексте задач управления пространственным развитием в Республике Карелия. Статья первая // Управленческое консультирование. 2021. № 11. С. 10–20.

On the Question of New Forms of Urbanization in the Context of Spatial Development Management in the Republic of Karelia. Article One

Sergey L. Katanandov¹, Victor V. Solodilov², Vladimir A. Shamakhov¹

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In modern conditions, classical approaches to urbanization need to be supplemented. The concept of rural agglomerations based on the development of inter-territorial cooperation of local governments arose. The question about new criteria for the formation of agglomerations was raised. The concept of actual urban settlements is proposed, which involves taking into account the modern characteristics of environmental processes.

Keywords: agglomeration, urbanization, Karelia, agglomeration urban and rural, rural settlement

For citing: Katanandov S. L., Solodilov V. V., Shamakhov V. A. On the Question of New Forms of Urbanization in the Context of Spatial Development Management in the Republic of Karelia. Article One // Administrative consulting. 2021. N 11. P. 10–20.

Вся история СССР — история роста мобильности населения. «Необходимым условием хозяйственной жизни становится подвижность населения вместо прежней оседлости и замкнутости»¹. За последние 100 лет Россия превратилась из аграр-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 3. С. 524.

ной в высокоразвитую индустриальную державу, а процесс урбанизации достиг таких масштабов, что структура городского и сельского населения к концу XX в. как бы перевернулась с ног на голову: в начале века в России было около 30% городского населения и 70% — сельского, а к концу века наоборот — 70% городского и 30% сельского [4, с. 57].

В нашей стране меры экистической политики стали применяться с 1931 г. [15]. Часто экистическая политика не была сопряжена с экономическими мерами, часто задачи и методы их решения противоречили друг другу, поэтому большая часть поставленных целей не была достигнута. Феноменальный рывок в урбанизации был достигнут в 60-е гг. прошлого века. В 1961 г. горожан впервые стало больше, чем сельских жителей, а к началу 1968 г. их было уже 55% населения страны. За это время появилось около 800 новых городов и поселков городского типа. Уже в этот же период выявились и масштабные проблемы, связанные с урбанизацией.

К 80-м гг. прошлого века в СССР были сформулированы методологические принципы регулирования развития населенных мест, основывающиеся на районировании расселения во взаимосвязи с размещением производительных сил. В научно-методических разработках, посвященных проблеме, всегда отчетливо прослеживалось стремление к созданию целостных иерархических концепций членений от микро- до макроуровней, каждому из которых соответствовала бы сбалансированная территориальная организация производства и расселения. Возникла и в целом была реализована концепция Генеральной схемы расселения СССР, одной из задач которой было выявление опорного каркаса расселения страны и концепция взаимосвязанного расселения, предполагающая формирование групповых систем населенных мест на базе существующих городских агломераций [10].

Согласно концепции единой системы расселения, ее составляющие: поселок — город — агломерация — районная система расселения — общесоюзная система расселения взаимоувязывались с соответствующей территориальной организацией производства: предприятие — группа предприятий — промышленный узел или промышленный район — районный территориально-производственный комплекс — система районных комплексов. Разработанная в основном применительно к рациональной организации межселенного обслуживания населения единая система формировалась в последовательности: территориальный микрорайон — район — регион — республика во взаимной увязке с системой центров: местным, районным, региональным и столицей республики¹.

Основные положения экистической политики, с точки зрения градостроителей, сводились к следующему: системы расселения инерционны, а их быстрое изменение, трансформация практически невозможны. Тем не менее регулирование систем городского расселения, собственно и называемое экистической политикой, возможно и осуществляется административными и экономическими методами. К числу экономических методов относится стимулирование развития новых отраслей в тех городах, людность и значение которых надо увеличить. Это достигается при помощи государства в развитии инфраструктуры, налоговых льгот.

В настоящее время движущие силы урбанизации несколько иные, но значительная часть проблем осталась неизменными. Важнейшая из них — неравномерность системы расселения, в сочетании с такой территориальной основой муниципальных образований, которая создает проблемы для обеспечения должного качества и уровня жизни. Очевидно теоретическое содержание модели: при выборе оптимальной территории муниципального образования сначала определяется пространство интересов совместного проживания, т. е. интересов: а) совместного использования ресурсов для хозяйственной деятельности; б) совместного пользования социальной

¹ Владимирский В. В. Районная планировка : справочник. М., 1986.

инфраструктурой; в) регулирования общественной жизни муниципального образования (общественный порядок, национальные отношения и др.). И лишь затем сложившиеся границы муниципалитетов, соответствующие границам интересов совместного проживания, закрепляются законом.

Продолжающийся рост концентрации населения в крупных городах и агломерациях — фактор обостряющий объективно неизбежную проблему [1; 14; 18]. Это явление в России сложилось исторически. Крупные города, становившиеся естественными центрами для малозаселенных земель, где плотность населения была ниже европейской в 5–10 раз, дали имена княжествам, а впоследствии — губерниям и большинству субъектов РФ. От исторических провинций на Западе их отличают не дисперсно-племенное заселение, а центричность и иерархия старших городов — младших пригородов. В масштабе России — это точки; к ним и сводится ее образ страны-созвездия [5]. Однако, как писал Ключевский, долгое время назвать ее городской было бы слишком неточно — как по отношению количества городов к пространству, так и по характеру городов, многие из которых фактически являлись лишь большим селом. Среднее расстояние между городами в обжитой зоне Европейской России к XX в. достигало 60–85, на Урале — 150, в Сибири — 500 км [16, с. 286]. Однако и сегодня «муниципальные учреждения исторически восходят к тем временам, когда общественные службы вследствие слабой экономики и примитивных транспортных условий обеспечивались маленькими общинами» [2, с. 63]. Этот исторический экскурс объясняет то, что территориальная доступность местного самоуправления (МСУ) и соответственно услуг МСУ снижается при укрупнении поселений. «Коммуникации удлиняются, застроенные территории стремительно расплозаются, „съедая“ открытое пространство и естественную среду обитания... С точки зрения социальной организации все тоже не очень гладко: падает качество социального обслуживания, ослабевает сеть соседских взаимодействий, единое пространство разрывается на множество частей, принадлежащих различным социальным слоям и группам, а рост издержек на создание инженерных коммуникаций и подготовку территорий делает жилье менее доступным» [7].

В рамках локальной системы расселения существует возможность ежедневного личного общения всех представителей ее активного населения, возможно также осуществление централизации управления системой с целью ее планомерного и упорядоченного развития, в том числе проведение единой политики природопользования и охраны окружающей среды. Реально это не достигается.

Российские города все более формируют сельскую местность вокруг себя, усиливаются сезонные миграции между городом и деревней. Сгустки «городов» усиливают контрасты, высасывая сельское население из малолюдной периферии и загромаждая пригороды новыми формами пространственной организации. Происходит маргинализация части заселенных территорий и элитаризация другой части.

Следующий важный вопрос касается процессов формирования агломераций. Авторы не считают целесообразным заново рассматривать классические подходы, прекрасно рассмотренные в российской и зарубежной литературе. Более важным представляется коснуться новых подходов к формированию агломераций, в том числе полицентрических и включающих сельскую местность или даже полностью состоящей из нее [6]. В этом контексте советская методика, разработанная еще во второй половине 70-х гг. прошлого века в головном институте по данной проблематике — ЦНИИПГраде [13], несколько устарела и описывает уже лишь один набор вариантов. Согласно этому подходу, агломерация должна включать не менее трех городских населенных пунктов, численность населения должна превышать 100 тыс. человек, доля населения городских населенных пунктов не должна быть менее 10% от общей численности городского населения, а временная доступность от окраины до центра не должна превышать 2 часа [3, с. 3509]. Сегодня в условиях качественно более

сильных, чем в СССР демографических ограничений «действующее законодательство не запрещает процессы образования и развития агломераций, но и не содействует им. Поэтому субъекты РФ и муниципальные образования вынуждены осуществлять опережающее правовое регулирование» [19, с. 21].

По масштабам и степени сложности в СССР выделялись локальные и региональные системы расселения. Возникла теория и практика районной планировки. Именно в этом ключе развивалась концепция локальной системы расселения, т. е. территориальной сети поселений, объединенных общностью производственных связей, систем обслуживания. В рамках этих подходов исследовались экономические микрорайоны¹ — (ЭМР). ЭМР представляют собой сочетание территориальных хозяйственных микросистем с соответствующими системами расселения и инфраструктурой, в том числе с транспортной инфраструктурой. Это территории, имеющие достаточно индивидуальную экономическую специфику, определенные производственные фонды и трудовые ресурсы. Для их жителей, за пределами города — центра такого ЭМР, характерно относительное единство образа и качества жизни [11, с. 14; 12].

Республика Карелия занимает особое место в ряду субъектов Российской Федерации. С одной стороны, Карелия не менее Европа, чем Финляндия. Фактор соседства с Санкт-Петербургской агломерацией и «ночной» поезд до Москвы. С другой стороны, модель освоения Карелии скорее соответствует сибирской, или, как минимум, уральской. Речь идет о показателях плотности населения, очаговости освоения, параметрах транспортной сети. Объектом рассмотрения является южная часть Карелии, географически тяготеющая к Санкт-Петербургу, являющаяся его северным предпольем, но тяготеющая к крупному городу.

В данной статье рассмотрены процессы урбанизации в юго-западной части территории Республики Карелия (РК) в составе трех муниципальных районов: Лахденпохского, Сортавальского и Питкярантского, понимаемых как некоторый субрегион с названием Северное Приладожье². Южное Приладожье, соответственно, Ленинградская область. Благодаря географическому положению, историческому прошлому, природным особенностям территории, Сортавальский ЭМР в таком составе обладает высокой степенью целостности, единства, существенными общими, в чем-то даже уникальными, характеристиками своего социально-экономического и территориального развития, в том числе в аспекте развития расселения и транспортной инфраструктуры.

Территории всех трех упомянутых районов отнесены к так называемым местностям, которые приравнены к районам Крайнего Севера. Но такое расположение Северного Приладожья существенным образом сказывается и на развитии его расселения. Достаточно очевидно, например, что населенные пункты (НП) здесь сравнительно компактно группируются вокруг более крупного центра, обладающего лучшими условиями для организации транспортных связей, оказания разнообразных услуг.

Преимущественно промышленный характер освоения этих северных территорий вызвал здесь в свое время повышенную долю городского населения, которая стала специфической особенностью урбанизации. Также отметим, что наиболее крупными городскими населенными пунктами, основанными в дореволюционный период, стали те из них, которые обладали наилучшим транспортно-географическим положением.

¹ В данном случае в понимание термина «экономический микрорайон» мы вкладываем более широкий смысл, для нас это по своей сути — социально-экономический или даже интегральный микрорайон.

² Выделяют и так называемый «природно-исторический регион Северное Приладожье», включая в его состав, помимо трех упомянутых районов, и Суоярвский муниципальный район.

Однако при повышенной доле городского населения средняя людность городских населенных пунктов была здесь относительно невелика, что связано с общей малочисленностью населения, преимущественным развитием отраслей первичного сектора экономики и сложными природными условиями, сдерживающими развитие сельского хозяйства. Преобладали узкопрофильные ресурсные городские населенные пункты, выполняющие и роль местных транспортных центров.

В советское время в основе развития каждого НП было стремление его населения как можно полнее выстроить у себя «городские» хозяйственные структуры госпромхозов, леспромхозов, рыбзаводов, что гарантировало большие объемы капитальных вложений в инфраструктуру, более высокую заработную плату. Сверхзадача современного развития таких сообществ — иметь удобный доступ ко всему спектру услуг ближайшего крупного центра, быть в его телекоммуникационной и информационной сети [17]. А получение статуса ГНП не является актуальной задачей, скорее, даже наоборот: большая часть поселков городского типа (ПГТ) субрегиона этот статус в постсоветский период утратила, и обрести его вновь местные социумы пока не стремятся.

Северное Приладожье в настоящее время — сравнительно небольшая часть Республики Карелия, своеобразный субрегион с площадью территории, чуть превышающей 6655 кв. км, и численностью постоянного населения немногим больше 60 тыс. человек (табл. 1)¹. То есть доля субрегиона, Сортавальского ЭМР, в общей площади территории РК составляет 3,7%, а доля в численности постоянного населения — 9,8%, но, заметим, значение этого субрегиона для Карелии весьма существенно.

Таким образом, наиболее густонаселенным и, добавим, урбанизированным муниципальным районом в субрегионе является Сортавальский МР, а наименее густонаселенным и урбанизированным — Лахденпохский МР.

Северное Приладожье в послевоенный период, после 1945 г., проходило разнонаправленные этапы трансформации административно-территориального устройства. В июле 1940 г. на части территории, перешедшей к СССР от Финляндии после советско-финляндской Зимней войны, были образованы Сортавальский район, Куркийокский (позднее — Лахденпохский) район и Питкярантский район. В 1957 г. к Сортавальскому району была присоединена часть территории упраздненного Питкярантского района, территория которого была распределена между Сортавальским и Олонецким районами, а в 1958 г. к нему был присоединен и Куркийокский (Лахденпохский) район. В 1963 г. Сортавальский район был преобразован в Приладожский сельский район. В 1965 г. Приладожский сельский район был преобразован обратно в Сортавальский район. В 1966 г. произошло повторное образование Питкярантского района. То есть в 1957–1966 гг. Северное Приладожье в административно-территориальном отношении представляло собой фактически единое образование.

В 1970 г. Сортавальский район был упразднен, а на его месте были образованы Лахденпохский район и город республиканского значения Сортавала с подчиненными ему населенными пунктами. С 2004 г. территория, подчиненная Сортавальскому городскому совету, стала носить название «Сортавальский муниципальный район».

Поселки городского типа Валаам, Импилахти, Ляскеля, Салми, Харлу, Элисенваара в 1991 г. были преобразованы в сельские населенные пункты. Далее укажем, что в состав Сортавальского района в настоящее время входят 4 муниципальных

¹ Сайт о странах и городах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie/respubliki-kareliya>; База данных показателей муниципальных образований по Республике Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst86/DBInet.cgi>.

Состав территории Северного Приладожья
Table 1. Composition of the territory of the Northern Rook

Муниципальные районы	Численность постоянного населения, тыс. чел. (2020 г.)	Площадь территории, км	Средняя плотность постоянного населения, чел./км
Лахденпохский	12,5	2210,8	5,7
Питкярантский	17,2	2254,6	7,6
Сортавальский	30,6	2189,7	14,0
Итого:	60,3	6655,1	9,1

образования, в том числе 2 городских поселения и 2 сельских. Таким образом, в городских условиях (город Сортавала, ПГТ Хелюля и ПГТ Вяртсиля) проживает 78,9% от общей численности населения района. Укажем также, что в Сортавальский муниципальный район входят (подчинены городу республиканского значения Сортавала) 50 населенных пунктов¹.

В состав Лахденпохского района входят 5 МО, в том числе 1 городское поселение и 4 сельских. В городских условиях (г. Лахденпохья) проживает 56,5% от общей численности населения района. На территории этого района находится 51 населенный пункт². В состав Питкярантского района входят 5 МО, в том числе 1 городское поселение и 4 сельских, в городских условиях (г. Питкяранта) проживает 59,4% от общей численности населения района. На территории района находятся 33 населенных пункта, без учета населенных пунктов, не имеющих населения³. Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 24.11.2015) «Об утверждении перечня моногородов» в список моногородов РФ с наиболее сложным социально-экономическим положением был включен город Питкяранта, а в список имеющих риски ухудшения социально-экономического положения — город Лахденпохья и ПГТ Вяртсиля.

Понятно, что с точки зрения основной типологии структур расселения рассматриваемое расселение Сортавальского ЭМР является структурой преимущественно городского расселения, с доминированием ГНП. Также понятно, что на территории Северного Приладожья постепенно формируется Сортавальская полугородская ассоциация населенных пунктов (Сортавальская ПГАС). То есть на территории этого субрегиона в настоящее время отчетливо идентифицируется нарастание процессов городского ассоциирования, а формирующаяся Сортавальская ПГАС в основном соответствует минимальным критериям выделения таких ассоциаций [6, с. 14].

Ассоциации населенных пунктов (АСНП) — особый тип систем расселения с населенными пунктами — центрами таких систем, имеющими не более 100 тыс.

¹ База данных показателей муниципальных образований по Республике Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst86/DBInet.cgi>; Закон Республики Карелия от 1 декабря 2004 года № 825-ЗПК «О муниципальных районах в Республике Карелия»; Закон Республики Карелия от 03.07.2020 № 2483-ЗПК «О преобразовании муниципальных образований „Сортавальское городское поселение“ и „Хелюльское городское поселение“ Сортавальского муниципального района Республики Карелия и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Карелия».

² База данных показателей муниципальных образований по Республике Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst86/DBInet.cgi>; Закон Республики Карелия от 1 декабря 2004 года № 825-ЗПК «О муниципальных районах в Республике Карелия».

³ Там же.

человек постоянного населения и объединяющими группу населенных пунктов с прилегающими совместно используемыми межселенными территориями в единое, континуальное территориальное образование. АСНП можно подразделять на отдельные виды, руководствуясь степенью урбанизации — рурализации их территорий, а также их размерной классификацией. Таким образом, можно, например, выделять следующие виды: сельские, сельско-городские, полугородские и городские АСНП. Для не развивающихся в составе городских агломераций полугородских ассоциаций населенных пунктов (ПГАС) можно ввести следующие критерии их выделения:

- людность центра-ядра такой ассоциации не должна быть менее 20, но и более 50 тыс. человек;
- общая численность населения ассоциации не должна быть менее 50 тыс. человек;
- в зоне населенных пунктов-спутников ядра должно находиться не менее 3-х ГНП, а также не менее 9-ти сельских населенных пунктов (СНП), с численностью населения не менее тысячи человек каждый;
- транспортная доступность ядра для самых далеких периферийных населенных пунктов (НП) не должна существенно превышать 1 час.

При этом заметим в предварительном порядке, что Сортавальская ПГАС является частью Санкт-Петербургского урбанистического (городского) региона расселения, а южная часть Лахденпохского муниципального района даже входит в состав зоны формирующего влияния Санкт-Петербургской городской агломерации, является периферией Санкт-Петербургской городской формации. Кроме того, отметим, что Северное Приладожье, что весьма важно, относится и к территории Санкт-Петербургского приморского региона [9, с. 45, 179, 180].

Центром-ядром (ядром) Сортавальской ПГАС является Сортавальское городское поселение, в состав которого входит и бывшее Хелюльское ГП. Таким образом, площадь территории этого ядра составляет 296,2 кв. км, численность постоянного населения — 23,0 тыс. человек, а средняя плотность населения — 77,7 чел./км². При том, что для всей Сортавальской ПГАС средняя плотность населения составляет лишь 9,1 чел./кв. км (табл. 1). Соответственно, доля ядра от всей площади Сортавальской ПГАС составляет 4,5%, а от всей численности постоянного населения — уже более 38%.

Здесь отметим, что учет существующего административно-территориального деления в ареале формирования Сортавальской полугородской ассоциации не только позволяет с наименьшими затратами и более корректно формировать и использовать информационные базы для соответствующих исследований, но и в большей степени осознавать ограничения и перспективные направления развития этой ассоциации.

Вокруг ядра Сортавальской ПГАС формируется зона населенных пунктов — спутников (сателлитов) этого ядра. На эту зону сателлитов ядра приходится 95,5% площади территории этой ассоциации, но только 62% численности ее постоянного населения. В зоне сателлитов в настоящее время находятся три ГНП: город Питкяранта, город Лахденпохья, пгт Вяртсиля, а также девять СНП с численностью населения не менее тысячи человек каждый. Таких городских населенных пунктов фактически насчитывается еще больше, если учитывать в качестве таковых достаточно урбанизированные СНП, не имеющие пока статуса ГНП.

Транспортные коммуникации, связывающие ядро Сортавальской ПГАС с этими ГНП, формируют транспортно-коммуникационный каркас территории этой ассоциации. А также они задают направления секторального развития ассоциации.

Ниже (табл. 2) представлен перечень «фактических городских населенных пунктов» (ФГНП) на территории Сортавальского ЭМР, который учитывает не только

Фактические городские населенные пункты (ФГНП) на территории Северного Приладожья (Сортавальского ЭМР)

Table 2. Actual urban settlements in the territory of the Northern Rook Region (Sortavala District)

Номер по порядку	ФГНП — городские поселения, урбанизированные сельские поселения	Численность постоянного населения ФГНП, тыс. чел., 2020 г.
1	Сортавальское ГП	23,0
2	Питкярантское ГП	10,4
3	Лахденпохское ГП	7,1
4	Вяртсильское ГП	2,9
5	Ляскельское СП	2,6
6	Салминское СП	2,4
7	Кааламское СП: п. Кааламо и п. Рускеала	2,0
8	Куркиёкское СП	1,4
9	Харлуское СП	1,1
10	Элисенваарское СП	1,1
Итого:		54,0
Средняя людность ФГНП		5,4

наделенные соответствующим статусом ГНП, но и, наравне с ними, поселения, которые с точки зрения нашей экспертной оценки фактически являются ГНП. Данный перечень относит к ФГНП и 6 конкретных достаточно, с нашей точки зрения, урбанизированных СП. Численность постоянного населения ФГНП указана на начало 2020 г.¹ ФГНП в случае поселений есть, по существу, сравнительно урбанизированные, тесно взаимосвязанные группы населенных пунктов, которые вместе с окружающими их межселенными территориями могут образовывать ассоциации населенных пунктов, в том числе сельские и сельско-городские ассоциации.

Обращает на себя внимание в этом перечне крупнейший по людности город Сортавала, который, с нашей точки зрения, в качестве Сортавальского ГП (23 тыс. жителей) является центром-ядром (Ядром) формирующейся Сортавальской ПГАС. Несложно рассчитать, что общая численность городского постоянного населения Северного Приладожья по официальным статистическим данным составляла на начало 2020 г. 43,4 тыс. человек², а доля городского населения от всей численности постоянного населения составляет, таким образом, 72,0%.

В то время как доля фактического городского населения от всей численности постоянного населения Северного Приладожья по нашим расчетам составляет 89,6%. То есть это существенно больше, чем показывают официальные статистические данные. Средняя численность постоянного населения (средняя людность)

¹ Сайт о странах и городах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie/republici-kareliya>.

² Там же.

ФГНП Северного Приладожья составляет 5,4 тыс. человек. Такая или близкая к такой величине средняя людность является довольно распространенной для ГНП (малый город, городской поселок) Северо-Западного федерального округа (СЗФО), расположенных за пределами городских агломераций. Ниже также представлено (табл. 3) разбиение группы ФГНП Северного Приладожья на ФГНП двух типов: города и городские поселки. Города при этом отнесены к двум размерным классам городов: полусредние города (20–50 тыс. жителей) и малые города (менее 20 тыс. жителей).

Данные табл. 3 подтверждают вывод о высокой значимости в городском расселении Северного Приладожья Сортавальского ГП, а также обнаруживают существенную значимость в этом смысле малых городов (Питкяранта, Лахденпохья): малые города концентрируют около трети численности фактического городского населения субрегиона.

Таблица 3

Типы и классы фактических городских населенных пунктов (ФГНП) на территории Северного Приладожья (Сортавальского ЭМР)

Table 3. Types and classes of actual urban settlements in the territory of the Northern Rook (Sortavala District)

Тип или класс ФГНП	Количество ФГНП	Численность постоянного населения ФГНП, тыс. чел., 2020 г.	Доля типа или класса ФГНП в численности постоянного населения ФГНП, %
Полусредние города	1	23,0	42,6
Малые города	2	17,5	32,4
Города	3	40,5	75,0
Городские поселки	7	13,5	25,0
Итого:	10	54,0	100,0

Существующая система расселения в Северном Приладожье создает определенные предпосылки для совершенствования через модель создания сельской агломерации, опирающейся на транспортную инфраструктуру направления «север — юг». Существует и потенциал развития системы расселения в направлении «восток — запад», связанный с внешними/внешнеэкономическими возможностями, опирающимися на потенциал сотрудничества с Финляндией. С точки зрения авторов, существует возможность и целесообразность качественно нового решения, улучшающего потенциал развития территории — создание нового города. Этому вопросу будет посвящена вторая статья.

Литература

1. Антонов Е. В., Махрова А. Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационного уровня в России // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45.
2. Баранова К. К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. М. : Дело и сервис, 2000.
3. Гвоздева М. А., Казакова М. В., Поспелова Е. А. Подходы к определению агломерации // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 24. С. 3505–3514.
4. Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевич М. Н. Где живет советский человек: социальные проблемы управления расселением. М., 1988.

5. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 451–460.
6. Катанандов С. Л., Межевич Н. М., Солодилов В. В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 9–17.
7. Кудрявцев Ф. С. В поисках русской мечты. Субурбанизация как альтернатива абсурду [Электронный ресурс] // Территория и планирование. 2012. № 4(40). URL: <http://terraplan.ru/new/1142-v-poiskakh-russkoj-mechty-cuburbanizatsiya-kak-alternativa-absurdu.html>.
8. Лаппо Г. М. География городов. М. : ВЛАДОС, 1997. 480 с.
9. Лачининский С. С., Семенова И. В. Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб. : ООО Издательство «Лема», 2015. 191 с.
10. Лебединская Г. А. К вопросу о применимости отечественных концепций взаимосвязанного расселения 1970–1980 годов в современных условиях // Градостроительство. 2012. № 3 (19). С. 23–28.
11. Лейзерович Е. Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 14–28.
12. Лейзерович Е. Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.
13. Листенгурт Ф. М., Сипунова Е. В. Генеральная схема расселения на территории СССР. М. : ЦНИИПград, 1980.
14. Лосин Л. А., Солодилов В. В., Ляпунова Г. П. Административно-территориальные преобразования и формирование локальных центров расселения на территории Санкт-Петербургской городской агломерации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2-3 (61-62). С. 33–46.
15. Межевич М. Н. Город: проблемы социального развития. Л., 1979.
16. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб. : Дм. Буланин, 1999.
17. Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Север. Северная периферия на пути к экономике знания. М., 2009.
18. Шмидт А. В., Антонюк В. С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 776–789.
19. Шугрина Е. С., Миронова Г. В. Общая характеристика российских агломераций: соотношение de jure и de facto // Местное право. 2018. № 1. С. 3–24.

Об авторах:

Катанандов Сергей Леонидович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Специальный представитель Губернатора Санкт-Петербурга по вопросам развития государственного строительства и взаимодействия с субъектами Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент; katanandov-sl@ranepa.ru

Солодилов Виктор Владимирович, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук; solodilov.55@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Antonov E. V., Makhrova A. G. The largest urban agglomerations and forms of settlement of the above-agglomeration level in Russia // Izvestia RAS [Izvestiya RAN]. Series Geography. 2019. N 4. P. 31–45. (In Rus).
2. Baranova K. K. Budget federalism and local government in Germany. M.: Business and service, 2000. (In Rus).
3. Gvozdeva M. A., Kazakova M. V., Pospelova E. A. Approaches to definition of agglomeration // Russian entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2016. V. 17. N 24. P. 3505–3514. (In Rus).

4. Dmitriev A.V., Lola A.M., Mezhevich M.N. Where the Soviet man lives: social problems of settlement management. M., 1988. (In Rus).
5. Kagansky V.L. Cultural landscape and Soviet inhabited space. M.: New Literary Review, 2001. P. 451–460. (In Rus).
6. Katanandov S.L., Mezhevich N.M., Solodilov V.V. “Rural agglomerations” and “rural associations of settlements” — possible directions for the development of local self-government in the North-West of Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 9. P. 9–17. (In Rus).
7. Kudryavtsev F.S. In search of the Russian dream. Suburbanization as an alternative to absurdity [Electronic resource] // Territory and planning [Territoriya i planirovanie]. 2012. N 4(40). URL: <http://terraplan.ru/new/1142-v-poiskakh-russkoj-mechty-cuburbanizatsiya-kak-alternativa-absurdu.html>. (In Rus).
8. Lappo G.M. Geography of cities. M.: VLADOS, 1997. 480 p. (In Rus).
9. Lachininsky S.S., Semenova I.V. St. Petersburg coastal region: geoeconomic transformation of the territory. St. Petersburg: OOO Publishing House “Lema”, 2015. 191 p. (In Rus).
10. Lebedinskaya G.A. On the question of the applicability of domestic concepts of interconnected resettlement of 1970-1980 in modern conditions // Urban planning [Gradostroitel'stvo]. 2012. N 3 (19). P. 23–28. (In Rus).
11. Leizerovich E.E. Net of economic microdistricts of Russia. 2008 version // Regional studies [Regional'nye issledovaniya]. 2010. N 4 (30). P. 14–28. (In Rus).
12. Leizerovich E.E. Typology of Russian localities (economic microdistricts of Russia: net and typology) // Social reality [Sotsial'naya real'nost']. 2007. N 7. P. 84–125. (In Rus).
13. Listengurt F.M., Sipunova E.V. General settlement scheme in the USSR. M.: CNII Pgrad, 1980. (In Rus).
14. Losin L.A., Solodilov V.V., Lyapunova G.P. Administrative-territorial transformations and the formation of local settlement centers on the territory of the St. Petersburg city agglomeration // Economics of the North-West: problems and development prospects [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2020. N 2-3 (61-62). P. 33–46. (In Rus).
15. Mezhevich M.N. City: problems of social development. L., 1979. (In Rus).
16. Mironov B.N. Social history of Russia of the empire period (XVIII — early XX century). V. 1. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 1999. (In Rus).
17. Pilyasov A.N. And the latter will be the first. North. The northern periphery is on the way to the economics of knowledge. M., 2009. (In Rus).
18. Schmidt A.V., Antonyuk V.S., Francini A. Urban agglomerations in regional development // Economics of the region [Ekonomika regiona]. 2016. V. 12, issue 3. P. 776–789. (In Rus).
19. Shugrina E.S., Mironova G.V. General characteristic of Russian agglomerations: ratio de jure and de facto // Local law [Mestnoe pravo]. 2018. N 1. P. 3–24. (In Rus).

About the authors:

Sergey L. Katanandov, Head of the Department of State and Municipal Management of the North-Western Institute of Management of the RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); Special Representative of the Governor of St. Petersburg on the development of State construction and interaction with subjects of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor; katanandov-sl@ranepa.ru

Victor V. Solodilov, Senior Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Geography; solodilov.55@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru